

Х
files
Х

ДОСЬЕ
КОЛЛЕКЦИЯ

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК № 26, 2012

БЕЛАЯ ГВАРДИЯ

ЛЕДЯНОЙ ПОХОД

▲
ВЛОЖЕНИЕ:

крест Марковского артиллерийского дивизиона

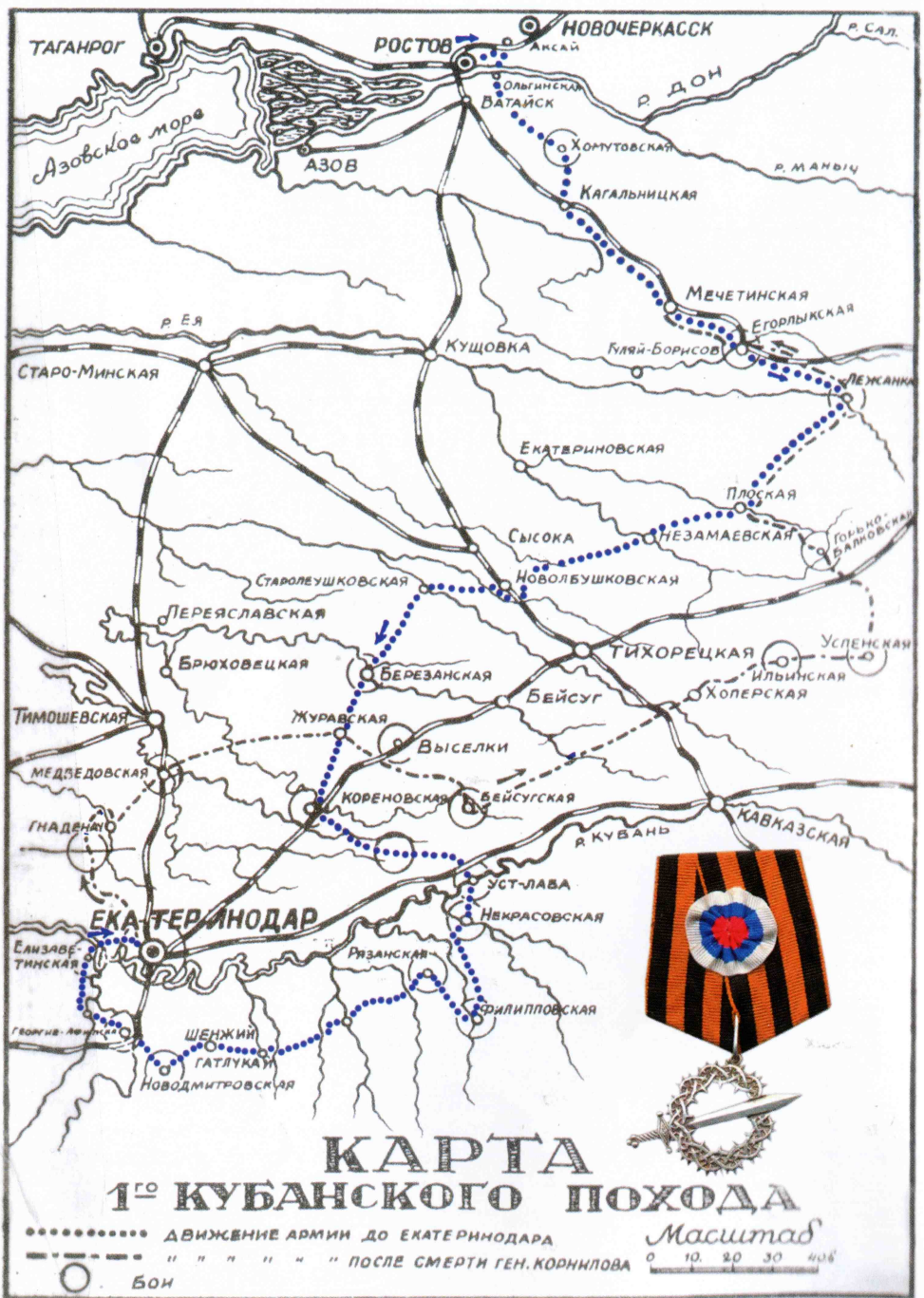
ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

1 2 0 2 6

4 607033 120130

ИСХОД

9 февраля 1917 года в три часа пополудни Добровольческая армия получила приказ оставить Ростов, уходить в степи. Бои уже шли на окраине города. На улицах рвались снаряды. Сборный пункт – казармы Ростовского полка на углу Таганрогского проспекта и Садовой улицы. Выход из города – ночью: с наступлением темноты стрельба стихала.

«Покружив по вымершему городу, мы остановились на сборном пункте в ожидании подхода войск. Еще с утра Боровский (генерал Александр Александрович Боровский – командир Студенческого батальона, прим. Авт.) **предложил ростовской молодежи: кто желает – вернуться домой. Впереди тяжелый поход и полная неизвестность. Некоторые ушли, но часть к вечеру вернулась: «все соседи знают, что мы были в армии, товарищи или прислуга выдадут».** Долго ждем сбора частей. Разговор не клеится... Двинулись, наконец, окраиной города. По глубокому снегу... Из боковых улиц показываются редкие прохожие и, увидев силуэты людей с ружьями, тотчас же исчезают в ближайших воротах. Вышли в поле, пересекаем дорогу на Новочеркасск. На дороге безнадёжно застрявший полк генерала Богаевского. С небольшим чемаданчиком в ру-

Художник Митрофан Греков

«Мы уходим в степи. Можем вернуться только, если будет милость Божья. Но нужно зажечь свечок, чтобы была хоть одна светлая точка среди охватившей Россию тьмы...» Генерал Алексеев

как сам он присоединяется к колонне. Появилось несколько извозчиков протекот. С них нерешительно сходят офицеры, по-видимому, задержавшиеся в городе. Подошли с опаской к колонне и, убедившись, что свои, облегченно вздохнули...

Мы уходили. За нами следом шло безумие. Оно вторгалось в оставленные города бесшабашным разгулом, ненавистью, грабежами и убийствами. Там остались наши раненые, которых вытаскивали из лазаретов на улицу и убивали. Там брошены наши семьи, обреченные на существование, полное вечного страха перед большевистской расправой, если какой-нибудь непредвиденный случай раскроет их имя... Мы начинали поход в условиях

необычайных: кучка людей, затерянных в широкой донской степи, посреди бушующего моря, затопившего родную землю; среди них два верховных главнокомандующих русской армией, главнокомандующий фронтом, начальники высоких штабов, корпусные командиры, старые полковники... С винтовкой, с вещевым мешком через плечо, заключавшим скудные пожитки, шли они в длинной колонне, утопая в глубоком снегу...

Уходили от темной ночи и духовного рабства в безвестные скитания...»

Так описывал уход армии генерал Деникин. Позади – тяжелые бои, страх, усталость. Впереди – лишь черная застенная степь. Ни тепла, ни света. Первый привал в станице

Аксайская на высоком берегу двух рек – Аксая и Дона, всего в двенадцати километрах от Ростова (ныне – город Аксай). Не успела колонна подойти, как от станичного атамана принесли бумагу: казаки держат нейтралитет и требуют немедленного ухода армии.

Корнилов обратился к генералу Романовскому, начальнику штаба:

– Иван Павлович! поезжайте, поговорите с этими дураками. Не стоит начинать поход «кумирением»...

Однако казаки уперлись, торговались долго. И только прямая угроза сжечь станицу, а всех жителей перевешать возымела действие. Армия получила свой первый в походе ночлег. И первое место сбора отставших по разным причинам частей. В Аксакайскую же заблаговременно был отправлен эшелон с боеприпасами и иным полезным имуществом. Так что внезапный «нейтралитет» казаков был совсем не кстати. Всю ночь к станице с разных сторон стягивались отставшие. Всю ночь выла метель и шел силь-

ный снег. Всю ночь техническая рота готовила переправу – бревнами, досками и песком укрепляла спуск к реке для проезда батарей и обоза.

Только к утру немножко распогодилось. С самого утра начали переправу через Дон. Первым реку перешел генерал Алексеев, длинным посохом проверяя крепость льда. Корнилов с конвоем переправился с головными подразделениями. Став на пригорке, он пропускал перед собой проходившие части, здоровался. Как всегда, выделялись корниловцы. Прошли браво, с песнями: **«Так за Корнилова, за Родину, за**

Веру, мы грянем дружное – ура, ура, ура!» и еще одну, любимую, которую позже перепеют большевики на свой лад: **«Дружно, корниловцы, в ногу; С нами Корнилов идет; Спасет он, поверьте, Отчизну, Не выдаст он русский народ!».**

Дольше всего и тяжелее было переправить артиллерию. Орудия переправлять целиком не решились, разобрали и перетаскивали по частям. Ствол перевозили на санях, лафеты перекатывали по льду голыми руками. И то чуть одно не утопили: на середине реки лед треснул, грозя утянуть на дно и орудие, и тащивших его юнкеров...

Вслед за маршевыми колоннами и обозом (боеприпасы из эшелона перегрузили на подводки) реку перешел целый табор. Лазарет – около двухсот раненых, не захотели остаться в Ростове – и беженцы: бесконечные подводки с женщинами и разным скарбом – швейными машинками, чемоданами, ящиками, узлами... **Так начался Первый Кубанский поход.**

ОЛЬГИНСКАЯ – ЕГОРЛЫЦКАЯ

**Крест 1-го Офицерского
пехотного
Марковского полка.**
Изготовлен в эмиграции.

После полудня 10 февраля вся Армия сосредоточилась в станице Ольгинская (15 километров от Аксайской). Основные силы соединились с отрядом генерала Маркова, пробившегося от Батайска левым берегом Дона (его отряд пришел на смену юнкерам, удерживавшим перепра-

ву через Дон). Богатая станица, которую до сей поры миновали без боя, добродушно встретила непрошенных гостей. Дала и кров и стол. Люди отогрелись и выпалились, привели в порядок оружие и амуницию, помылись.

11 февраля Корнилов приступил к реорганизации Добровольческой армии. Большие, малые и не очень малые части нужно было соединить в единую более четкую структуру

**Крест Марковского
артиллерийского дивизиона.**
Утвержден 18 августа 1920 года
генералом Врангелем.

Флаг Марковцев

для более эффективного управления. Тем более что красные, заняв Ростов, почему-то отказались от преследования. За двое суток было лишь несколько столкновений с небольшими отрядами.

В итоге структура Армии стала выглядеть следующим образом.

СТРУКТУРА ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ

Офицерский партизанский имени генерала Корнилова батальон. Командир: полковник Симаковский.	1-я Георгиевская офицерская рота. Командир: полковник Кириенко. 50 человек.	
1-й батальон. Командир: полковник Булюбаш.	2-й батальон. Командир: полковник Мухин.	
<div style="text-align: center;"> <h3>Корниловский ударный полк.</h3> <p>Командир: подполковник Митрофан Осипович Неженцев.</p> <p>Заместитель: капитан Николай Владимирович Скоблин. 1100 человек (из них 400 – офицеры). Кроме этого пулеметная рота при 12 пулеметах, команда связи и хозчасть.</p> </div>		

1-й Офицерский батальон. Командир: полковник Борисов. 200 человек	2-й Офицерский батальон. Командир: полковник Лаврентьев. 100 человек.	Ростовская офицерская рота. Командир: капитан Петров. 70 человек.	3-я Киевская школа прапорщиков. Командир погиб в Таганроге.	3-й Офицерский батальон. Командир: полковник Кутепов. 240 человек.	Батайский отряд: Морская рота. Командир: кап. 2 ранга Потемкин. Ударный дивизион Кавказской кавалерийской дивизии. Командир: полковник Ширяев.
1-я рота. Командир: полковник Плохинский. 200 человек.	2-я рота. Командир: полковник Лаврентьев. 200 человек.		3-я рота. Командир: полковник Кутепов.	4-я рота. Командир: полковник Ширяев. 110 человек.	

	<div style="text-align: center;"> <h3>Сводно-Офицерский полк.</h3> <p>Командир: генерал-лейтенант Сергей Леонидович Марков. 800 человек.</p> <p>Также в состав полка вошла команда связи и подрывников, всего 28 человек.</p> <p>При штабе – 5 конных ординарцев, боевой и хозяйственный обозы, а также походный госпиталь с несколькими сестрами милосердия и санитарями из пожилых офицеров. Сам штаб Маркова, ненавидевшего штабы и штабных лютой ненавистью, состоял из трех человек (самого Маркова, его заместителя – старинного друга полковника Николая Степановича Тимановского и доктора Родичева, исполнявшего обязанности и врача, и казначея, и канцелярского работника). С первого же дня в расположении штаба стало развешиваться полковое знамя: белый Андреевский крест на черном фоне.</p> </div>	
--	---	--

<p>Партизанский отряд полковника Тихона Петровича Краснянского.</p>	<p>Партизанский отряд есаула Романа Григорьевича Лазарева.</p>	<p>Партизанский отряд есаула Чернецова (остатки).</p>
<p>1 СОТНЯ Командир: полковник Краснянский. 120 человек.</p>	<p>2 СОТНЯ Командир: есаул Лазарев.</p>	<p>3 СОТНЯ Командир: капитан Курочкин.</p>

Партизанский полк

Командир: генерал Африкан Петрович Богаевский.
600 человек.

При полку перевязочный обоз, включенный в его состав вместе с остатками чернецовского отряда.

<p>Юнкерский батальон</p>	<p>Студенческий батальон</p>	<p>3-я Киевская школа прапорщиков (часть)</p>
<p>1 РОТА (юнкера и кадеты)</p>	<p>2 РОТА (учащаяся молодежь)</p>	<p>3 РОТА (учащаяся молодежь)</p>

Особый Юнкерский батальон

Командир: генерал-майор Александр Александрович Боровский.
400 человек.

В состав армии также входили:

кавалерийские подразделения из бывших донских партизанских отрядов: 250 сабель;

1-й отдельный легкий артиллерийский дивизион. Командир: полковник Икишев;
1-я Офицерская батарея. Командир: подполковник Миончинский;
2-я Офицерская батарея. Командир: подполковник Шмидт;
3-я Офицерская батарея. Командир: подполковник Ерогин;
4-я Офицерская батарея. Командир: полковник Третьяков.

Охранная рота штаба.
Конвой главнокомандующего.
Армейский походный лазарет.
Обоз.

Всего в походе участвовало **2325** офицеров, **1067** добровольцев, **165** женщин (прапорщиков и сестер милосердия) и **150** гражданских лиц.

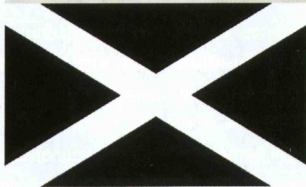

Объединение частей прошло не совсем гладко, хватили обиженных самолюбий... Положение спас генерал Марков с присущим ему юмором: «Командиры батальонов переходят на положение ротных командиров; но, господа, не огорчайтесь. Ведь я с должности начальника штаба фронта перешел на батальон!»

К слову сказать, офицерский полк был первым в мировой истории – воинская часть, состоящая из кадровых, профессиональных военных. Общность духа, интересов, целей, образования, боевого опыта... Способность отдавать приказы и выполнять их, чувство ответственности, а также способность с честью переносить «все тяготы и лишения» армейской жизни. Тягот же этих хватало даже с избытком.

Невероятно тяжелая ситуация складывалась со снабжением армии. Не хватало буквально всего: сапог, патронов, снарядов, лошадей, подвод... Корнилов категорически запретил применять реквизиции, считая казачество опорой Белого движения в будущем. Хозяйственные и прижимистые казаки если что-то и продавали – то втридорога. Денег же практически не было. А ведь хотел тот же Корнилов реквизировать ценности государственного банка, чтобы не достались красным. Но против этого решения категорически возмутились Алексеев, Рома-

новский и Деникин: мол, бросим тень на все движение. В результате ценности эвакуировали в Новочеркасск в распоряжение Донского правительства, где они, собственно, большевикам и достались. После же занятия Ростова красные ничтоже

сумняшеса реквизировали все активы коммерческих банков и прекрасно при этом себя чувствовали. Можете себе представить, когда-то российские генералы предпочитали голодную смерть обвинению в воровстве! Жаль, что их потомки живут в Париже, а не в Москве...

12 февраля красные заняли Новочеркасск. Незадолго перед этим из города вышел отряд донцов под командованием походного атамана генерала Петра Харитоновича Попова (был назначен войсковым атаманом Назаровым) и сосредоточился в станице Старочеркасской (недалеко от Ольгинской, но на правом берегу Дона, примерно в 30 км от Ростова). Корнилов с Поповым давно вели переговоры о соединении сил и обсуждали маршруты дальнейшего движения, но пока к единому мнению не пришли.

На рассвете **13 февраля** реформированная Армия, оставив часть обоза и большинство штатских, двинулась к станице Егорлыцкой, последней станице Донской области. Предстояло пройти восемьдесят восемь верст (93 километра) по глубокой вязкой грязи, миновав станицы Хомутовская, Кагальницкая и Мечетинская.

В Хомутовской (станция как станция – дворов меньше сотни, деревянная церковь да почтовая станция) добровольцы были атакованы частями 4-й кавалерийской дивизии – подвело боевое охранение, близко подпустили красных. Атаку отбили.

Во время стоянки в Мечетинской штаб Армии в последний раз послал предложение Атаману Попову присоединиться к походу. У Попова к тому времени были собраны немалые силы – тысяча штыков, но самое главное – более шестисот

сабель. У добровольцев, можно считать, конницы не было вообще: два небольших конных отряда могли решать весьма скромные тактические задачи. Через два дня Попов, как и ранее, ответил отказом: мол, донцы не хотят и не будут покидать родных мест, уйдут на зимовники в Сальские степи. И хотя злые языки утверждали, что лишь честолюбие не позволило Петру Харитоновичу стать подчиненным Корнилова (авторитета у походного атамана хватало, чтобы убедить донцов), его отказ встретили с пониманием. Для добровольцев Дон был всего лишь южной окраиной великой империи (не Петербург и даже не Москва). Для казаков же Дон был Родиной в полном смысле слова, за которую они готовы были сражаться и умирать.

К слову сказать, Попов, в свою очередь, тоже не единожды предлагал Корнилову идти вместе, только другим маршрутом, не покидая границ Донской области. Корнилов долго колебался, а в штабе не было

единого мнения по данному вопросу. По сути, добровольцы из Ростова шли в открытое поле, они были чужими в новой стране – чужими и никому не нужными. Возможно, первым это понял атаман Каледин, если не принимать во внимание версию об убийстве...

Преимущества объединения с Поповым были очевидны, но в зимовниках армия оказывалась сжатой с одной стороны разлившимся Доном, с другой – железной дорогой Царицын – Торговая – Тихорецкая – Батайск, занятой красными, чем последние могли бы успешно воспользоваться.

Кроме этого, степной район, пригодный для мелких партизанских отрядов, был не в состоянии ни прокормить, ни обогреть, ни даже разместить пятитысячную армию, если не разбивать ее на мелкие, стоящие вдалеке друг от друга части, что невероятно затрудняло управление ими, а потеря управления в случае наступления красных – результат очевидный. Попов в свою очередь

утверждал, что разлившийся Дон – лучшая защита: ни конницу, ни артиллерию не переправить. А какой прием окажут «кадетам» казаки на Кубани – тот еще вопрос: чем они лучше донских? Почему должны быть менее заражены большевизмом?

В итоге каждый пошел своим путем...

19 февраля армия дошла до Егорлыцкой. Часть добровольцев добралась до станицы буквально босиком (это в феврале-то!) – обувь разваливалась на глазах или просто тонула в непролазной грязи. Хорошо хоть, станичники встретили армию весьма сердечно. И одели, и обули, и накормили, и о раненых позаботились.

Сразу за гостеприимной станицей начиналась Ставропольская губерния, бурлящая большевизмом и занятая частями ушедшей с фронта 39-й пехотной дивизии. Пока еще без советской власти, но уже с местными Советами, анархией и всеобщей ненавистью к «кадетам».

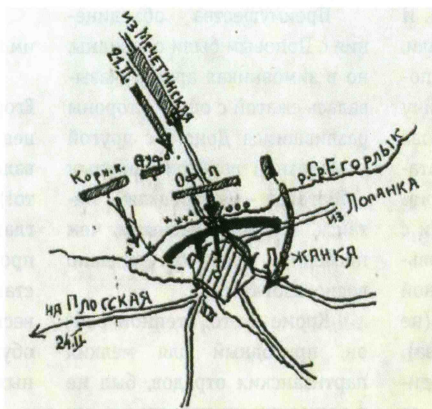

Художник Дмитрий Шмарин

Пока дневали в Егорлыцкой, прибыла делегация от ближайшей ставропольской деревни – Лежанка, находящейся в двадцати двух верстах (23 км) от места стоянки Армии. Корнилов делегатов честно предупредил: пропустите – пройдем спокойно, огнем встретите – потом не жалуйтесь, ответите за каждого убитого.

Вспоминает очевидец Роман Борисович Гуль, бывший прапорщик, будущий журналист, главный редактор «New Review», Нью-Йорк. *«Мы выступили. Те же войска, тот же обоз потянулись по той же степи... В авангарде генерал Марков, в главных силах – мы, офицерский полк. День чудесный, на небе ни облачка, солнце яркое, большое... Все идут, весело разговаривая. Вдруг, среди говора людей,*

прожужжала шрапнель и высоко, впереди нас разорвалась белым облачком. Все смолкли, остановились... Доносились частая стрельба, залихватско

хлопал пулемет... Мимо войска рысью пролетел генерал Корнилов с текинцами. Ясно: сейчас бой. Чувствуется неподнятость, все толпятся, оживленно говорят, на лицах улыбки, отпускаются шутки... Приказ: Корниловский полк пройдет на Лежанку

вправо от дороги, Партизанский – влево, в лоб ударит авангард генерала Маркова. Мы идем цепью по черной пашне. Солнце блестит на штыках. Все веселы, радостны – как будто не в бой... Далеко влево пронеслось «ура»... «Бегут! бегут!» – пролетело по цепи, и у всех забила радостно-охотничья страсть: «Бегут! бегут!»

Позже выяснилось, что сход Лежанки после возвращения делегации постановил пропустить «корниловскую армию»,

но местный совет и расквартированных красногвардейцев Дербентского полка мнение жителей мало интересовало. На митинге постановили: *«Уничтожим буржуев!»*. А зря... Разгром был полным – красные бежали в панике. Добровольцам досталось значительное количе-

ство вооружения – пулеметов, винтовок, патронов. Были захвачены запасы сахара, военные и интендантские склады, что для лишенной централизованного снабжения Армии также было совсем не лишним.

Воспоминания очевидца: *«Мы увидели, что из-за хат вьдуют человек 50–60 пестро одетых людей... без шапок, без поясов, головы и руки у всех опущены. Пленные. Их обгоняет подполковник Нежинцев, скачет к нам, оставил:*

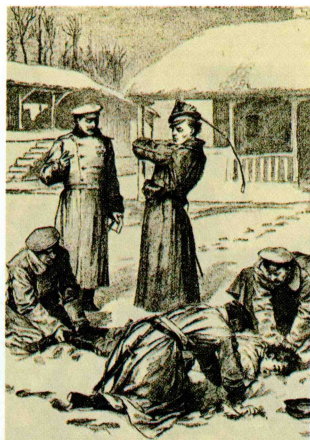
– Желаящие на расправу!

Выходят из рядов. Некоторые смущенно улыбаясь, некоторые с ожесточенными лицами. Вышли человек пятнадцать. Идут к стоящим кучкой незнакомым людям и щелкают затворами. Прошла минута. Долетело: пли!.. Сухой треск выстрелов, крики, стоны... Некоторые расстреливавшие отходили. Некоторые добивали штыками и прикладами еще живых. Вот она, подлинная гражданская война... «А почему я знаю! Может быть, эта сволочь моих близких в Ростове перестреляла!» – кричит, отвечая кому-то, расстреливавший офицер».

В селе Лежанка в числе прочих попали в плен офицеры квартировавшего здесь же красного артиллерийского дивизиона. Корнилов приказал предать их военно-полевому суду. По сути, это был первый суд в истории Белого движения.

Всех интересовал один вопрос: что заставило представителей думающего класса перейти на сторону красных! Ответы не отличались разнообразием: *«не знал о существовании Добровольческой армии», «заставили служить насильно», «держали под надзором семью».* И военно-полевой суд, вопреки ожиданиям, обвиняемых оправдал! Точнее, счел обвинение в измене недоказанным! Оправданные офицеры вступили в ряды Добровольческой армии. Семнадцать человек было ранено. Всего в Лежанке предали земле 507 трупов.

Пишет генерал Богаевский: *«Этот первый в походе бой, окончившийся полной нашей победой, имел для Добровольческой армии огромное значение. Явилась твердая вера в Корнилова и других начальников, уверенность в своих силах и в том, что лучший способ разбить большевиков – решительное наступление, не останавливаясь перед превосходящими силами противника... Добровольцы увидели перед собой многочисленного, хорошо вооруженного противника, занимавшего сильную позицию, но скоро убедились в отсутствии у него стойкости войск и толкового управления боем».* Считается, что после этого боя по приказу Корнилова пошла традиция нашивок на фуражки белых лент, для отличия своих от противника – одежда-то и у тех и у других была совершенно одинаковой...

Вспоминает очевидец.

«Верхом подъехал знакомый офицер: - Посмотри, нагайка-то красненькая! - смеется он. Смотрю: нагайка в запекшейся крови. - Отчего это? - Вчера пороли молодых. Расстрелять хотели сначала, ну а потом пороть приказали. - Ты порол? - Здорово, прямо руки отнялись, кричат, сволочи! - захохотал он... - А как пороли? Расскажи! - спросил кто-то. - Пороли как?... Это поймали молодых солдат, человек двадцать, расстрелять хотели, ну, а полковник тут был, кричит: всыпать им по пятьдесят плетей! Выстроили их в шеренгу на площади. Снять штаны! Сняли. Командуют: «Ложись!» Легли. Начали их пороть. А есаул подошел: что вы мажете? Кричит: Разве так порют! Вот как надо! Взял плеть да как начал! Сразу до крови прошибает! Ну, все тоже подтянулись. Потом по команде встали. Их в штаб отправили...»

КУБАНЬ

Хоть и возглагал Корнилов на Кубань большие надежды, однако события развивались там с небольшим отличием от Донского края.

На момент Октябрьского переворота фактическая власть в крае принадлежала Раде во главе с выбранным атаманом Кубанского казачьего войска Александром Петровичем Филимоновым. Кубанское правительство (равно как и донское Каледина) новую власть в лице ленинского Совета народных комиссаров не признало. Кроме этого, по приказу атамана юнкера Казачьего военного училища и казаки Атаманского конвоя без единого выстрела разоружили рассадник большевизма – артиллерийский дивизион. В Крае было введено военное положение, а юнкера, от греха, заняли почту и телеграф. Екатеринодарский комитет

РСДРП(б) перешел на нелегальное положение и попросил помощи у Петроградского Совета рабочих и крестьянских депутатов «в борьбе с контрреволюцией». Но и сами не сидели сложа руки, а занимались привычной партийной работой – агитацией возвращавшихся с фронта воинских частей.

Так была разогнана 39-я пехотная дивизия, части которой в середине декабря 1917 года пересекли границы области и заняли все крупные железнодорожные узлы: Ставрополь, станцию Кавказскую, Армавир, станцию Тихорецкую, район Белой Глины.

Также под влияние большевиков попали 491-й Варнавинский полк, 41-й мортирный дивизион, батарея 21-го Кавказского горного артиллерийского дивизиона и часть солдат Ивангородского полка. В результате в

скором времени у атамана и Войскового правительства не оказалось в руках реальной военной силы: только Кубанский гвардейский дивизион, запасный пластунский батальон, Атаманский конвой, караульная команда, юнкера казачьего училища, черкесская сотня Туземной дивизии – всего несколько сот человек. Против дивизии явно маловато. Возвращавшиеся же кубанские казачьи полки, как и донские, навоевались. Сражаться ни с кем и ни за что не желали, выполнять чьи-либо приказы отказывались и с наслаждением разбрелись по станицам.

И в этих станицах, особенно в районе дислокации красногвардейских частей, начали образовываться революционные комитеты из иногородних и казаков-фронтвиков, естественно, с захватом власти и «помещичьего имущества». Небольшая историческая справка, для лучшего понимания ситуации.

Все «иногородние» в Кубанской области делились на три категории.

1. Коренные (имеющие земельные наделы, но меньшие, чем у казаков);

2. Оседлые (не имеющие земли, арендующие ее у казаков, а также жители городов);

3. Не имеющие статуса оседлости («гольтьба», наемные работники). Надо ли говорить, что второй и третьей категории «иногородних» было большинство. Они-то, в основном, и по-

глядывали на казацкие земли и имущество, у них было время и желание заседать в комиссиях и комитетах, лишь бы не работать. Что двигало фронтовиками, сказать сложно: возможно, ужасы пережитой войны порождали мечты о новой жизни – без атаманов и генералов, гнавших людей на верную смерть...

Путь борьбы с зарождавшимся большевизмом был очевидным – Кубанское правительство начало формировать отряды из офицеров-добровольцев и учащейся молодежи. Был на Кубани и свой «чернецов» – капитан Виктор Леонидович Покровский – человек интереснейшей судьбы, одесит, потомственный офицер. После окончания Павловского военного училища вступил в гренадерский Малороссийский полк, но «заболел» бурно развивающейся авиацией. Добился направления на учебу в класс авиации Санкт-Петербургского политехнического института, потом с отличием окончил Севастопольскую офицерскую воздухоплавательную школу, и в составе 2-го Сибирского авиаотряда попал на Юго-Западный фронт. Вскоре имя летчика-аса Покровского прогремело на всю страну. В июле 1915 года он принудил к посадке и захватил истребитель

«Albatros D.I», вооруженный спаркой пулеметов MG-08 (аналог «Максима»), вместе с экипажем. Это был первый подобный случай в истории русской авиации. За храбрость Покровский получил Георгиевское оружие и

добровольческий отряд. В начале января 1918 года в отряде Покровского было не более шестидесяти человек. Однако ряд лихих налетов на большевистские станицы, аресты членов военно-революционных комитетов, разоружение отрядов красногвардейцев обратили на себя внимание атамана и Войскового правительствa.

Покровский получил деньги для организации борьбы, и дело пошло быстрее. К середине января отряд состоял из трех сотен штыков при четырех пулеметах, а 20 января при поддержке атамана в помещении Войскового хора было организовано собрание всех находящихся в Екатеринодаре офицеров, на котором (как и Чернецов в Новочеркасске) Покровский призвал всех присутствующих к вооруженной борьбе. Покровскому повезло больше, чем Чернецову: на его призыв откликнулись порядка восьмисот человек.

В это же самое время (середина января 1918 года) на Кубани основны-

ми зонами влияния большевиков были: Новороссийск, станицы Тихорецкая и Кавказская, где находились крупные воинские формирования. Кроме этого Советскую власть признали большинство станиц Майкопского, Ейского, Баталпашинского и

орден Святого Георгия 4-й степени. После Февральской революции, которую, как и многие офицеры, он встретил без энтузиазма, переехал на Кубань, где в качестве «кубанского добровольца», по своей собственной инициативе, стал формировать

Таманского отделив. Лояльность хорошо вооруженных воинских частей придавала большевикам уверенности в себе и порождала определенные надежды, например, штурмом взять Екатеринодар. К столице Кубанского казачества в эшелонах двинулись революционные части из Новороссийска, численностью примерно в три тысячи штыков.

Им навстречу вышли отряды Покровского и войскового старшины, терского казака-осетина Петра Андреевича Галаева (300 штыков, 2 орудия, 6 пулеметов). Говорят, что была еще сотня кубанских стариков (станция Пашковская), ветеранов русско-турецкой войны, вооруженных берданками (винтовками Бердана) образца 1870 года. Старики были решительно настроены на защиту родного края: **«побили турку, побьем и комиссаров».**

Ранним утром 22 января Галаев занял оборону в десяти километрах от Екатеринодара – возле хутора Энем (полустанок железной дороги из Новороссийска в Екатеринодар), выбрав для обороны узкий проход между непроходимыми плавнями. Ну просто триста спартанцев...

Знак выпускника Владимирского военного училища

Знак выпускника Павловского военного училища

Весь день казаки мужественно сдерживали атаки превосходящих сил противника (по плану совместных действий Галаев должен был сковать и стянуть на себя основные силы атакующих) до тех пор, пока отряд Покровского не вышел красным в тыл... Красногвардейцы бежали, бросая оружие и артиллерию. Им стреляли из пулеметов в спину. Прятывшихся вытаскивали из вагонов и прикалывали штыками на путях. Пленных не брали...

К сожалению, в этом бою Петр Андреевич Галаев был убит.

Часть красных отошла к станции Георгие-Афипской, расположенной в шести километрах юго-восточнее Энема. От полного уничтожения их спасло лишь отсутствие у Галаева и Покровского конницы. Победа имела огромное значение. В первую очередь, она воодушевила колеблющихся. Уже через сутки в сводный отряд командование которым взял на себя Покровский, влились: кавалерийская сотня Гвардейского Кубанского дивизиона, сотня юнкеров Кубано-Софиевского военного училища и две конные сотни Черкесского полка, увеличив численность от-

ряда до тысячи штыков и трехсот сабель. Чтобы закрепить успех и не дать противнику подтянуть резервы для повторного наступления, Покровский решил атаковать Георгие-Афипскую. **В ночь на 24 января** передовой отряд ворвался на железнодорожный мост и уничтожил заставу. Одновременно пехота форсировала реку Афипсис и атаковала станцию. Красногвардейцы ночевали в вагонах и здании станции. Едва раздалась первая выстрель, большинство из них, не пытаясь оказать сопротивления, отошли на станцию Северскую или разбежались. Остальные были убиты.

В Екатеринодаре Покровского встретили как героя. Прямо на вокзале атаман Филимонов поблагодарил отряд за проявленную в боях доблесть и объявил о присвоении Виктору Леонидовичу звания полковника (через чин), тут же заменив ему погоны. С вокзала полковника Покровского восторженная публика неслась на руках.

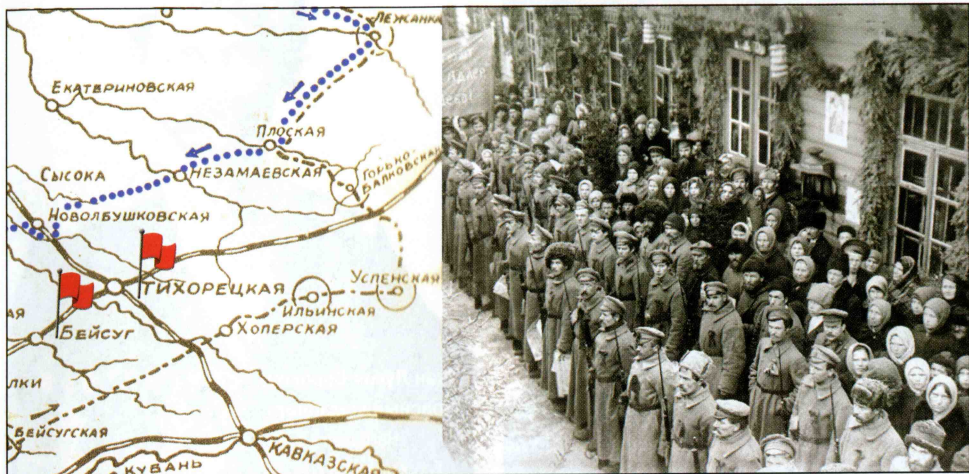
14 февраля 1918 года В.Л. Покровский был назначен командующим военными силами Кубани.

Знак выпускника Elisavetградского военного училища

СТАНЦИЯ ТИХОРЕЦКАЯ

В результате вышеперечисленных боев основным оплотом большевиков на Кубани стала станция Тихорецкая с дислоцирующимися там частями 39-й пехотной дивизии. 25 января со специальным мандатом и деньгами от «чрезвычайного комиссара по борьбе с контрреволюцией на Юге России» Антонова-Овсеенко на Тихорецкую прибыл бывший казачий офицер товарищ Александр Автономов. Представитель известного и уважаемого донского казачьего рода, он в Первую мировую дослужился до чина сотника, но тем не менее оставался любимцем солдатских масс. Даже был выбран делегатом на казачий съезд. Быстро заразился идеями и лозунгами большевиков и, как человек активный и способный, был по достоинству оценен Антоновым-Овсеенко уже после месяца совместной работы.

Автономов вступил в командование красными войсками. 1 февраля им был получен приказ занять Батайск (город недалеко от Ростова, где тогда еще находилась Добровольческая армия). В результате ожесточенного боя город и станцию заняли, но юнкерский батальон, оборонявший Батайск, сумел перейти на другой берег Дона и прочно оседлать переправу. Сопротивление мальчишек-юнкеров было настолько упорным, что части Красной гвардии замитинговали и отказались штурмовать Ростов. А чуть позже не выполнили приказ выдвинуться к станции Ольгинская для преследования Добровольческой армии.

Вот и ответ на вопрос, волновавший добровольцев, – почему красные позволили им спокойно отдохнуть и переформироваться.

Несмотря на явные неудачи красных в конце января – начале февраля 1918 года, Автономов, со свойственными ему организаторскими способностями, начал пополнять ряды вверенных частей, занялся мобилизацией крестьян и иногородних, агитацией казаков. Своим помощником он назначил еще одного незаурядного офицера – Ивана Сорокина, казака станции Петропавловской, бывшего военного фельд-шера. Сорокин отличился на полях Первой мировой, заработал два Георгиевских креста, звание есаула и чин сотника. Среди казаков пользовался заслуженным уважением, более того – был популярен. С Автономовым познакомился и подружился все на том же съезде казачьих делегатов. Организовал первый на Кубани красный казачий отряд, в короткий срок увеличив его в десять раз – до 1200

Алексей Иванович Автономов.
Красный казачий командир

штыков и сабель. Они составили на удивление гармоничную пару. Один по сути – штабной работник, способный настроить сложный армейский механизм на действие с часовой точностью, подобрать руководящие кадры, поставить задачу.

Второй – красный командир, лихой рубака, любящий опасность и незаменимый на поле брани, способный поднять людей в атаку и повести их за собой. При Автономове

и Сорокине красные воинские части Тихорецкой перестали быть стадом дезертиров, поверившим в бредовые лозунги, а стали спаянной дисциплиной и идеей боевой единицей, закаленной на полях Первой мировой.

И эту разницу белые смогли ощутить в скором времени.

16 февраля Сорокин у станции Выселки наголо разбил отряд Покровского. Сам командир в это время купался

Иван Лукич Сорокин.
Красный командир.

Награды:
Георгиевский крест
3-й и 4-й степени

в лучах славы в Екатеринодаре. Как раньше в панике бежали красные, так теперь бежали «покровцы». Врагу достались три состава с вооружением и боеприпасами, орудия, пулеметы. Теперь моральное преимущество было на стороне красных. Казаки, бывшие в рядах «покровцев», тут же разошлись по станицам, разувевшись в дальнейшей борьбе. Остатки отряда отступили к Екатеринодару.

Описывает очевидец:

«То, что мне пришлось выслушать от прибывших на следующий день в Екатеринодар раненых из отряда, поистине рисовало картину преступного попустительства со стороны лиц, на обязанности которых лежало принятие мер разведки и непосредственного охранения, диктуемых элементарными требованиями устава и близостью противника, к тому же сильного. На Тихорецком направлении с нами дрались части 39-й пехотной дивизии. Эти войска в достаточной мере сохранили свою боеспособность... и в их рядах было много офицеров. Отряд был застигнут врасплох. Красные зашли в тыл, подорвали железнодорожное полотно и стремительным ночным налетом ворвались на станцию и примыкавшую к ней станицу. Отряд спал... Штаб бездействовал. Много славных добровольцев легло под Выселками, много было взято в плен, большевикам досталась богатая добыча...»

КУБАНСКИЕ СТЕПИ

Добровольческая армия перешла границу Ставропольской области 23 февраля. Первая кубанская станица, Плоская, пропустила добровольцев спокойно. Говорили, что стрельба в Лежанке была им хорошо слышна. Видимо, новости расходились быстро – в следующей станице, Ивановской, добровольцев встречал станичный атаман с хлебом-солью. Казачки нарядились по такому случаю. Из хат несли угощение. Пели песни. Веяло добрыми традициями старой, богатой, щедрой Руси.

Генерал Деникин писал: *«Нас – пришельцев с севера удивляли огромное богатство беспредельных полей, ломящиеся от хлеба скирды и амбары, стада и табуны. Сыты все – и казаки, и иногородние, и «хозяин», и «работник». Нас располагал к себе веселый, открытый характер кубанских казаков и казачек – таких далеких, та-*

ких, казалось, чуждых большевистского угара. Тихая заводь привольной кубанской жизни замутилась, однако, враждой и чувством мести к тем, кто нарушил ее покой... Казаки начали поступать в армию добровольцами: Незамаевская выставила целый отряд, человек в полтораста. Станичные сборы враждебны большевикам и выражают преданность Корнилову. Кубань – земля обетованная!»

Да, конечно, обетованная...

На пути к Екатеринодару лежала Владикавказская железная дорога и узловая станция Тихорецкая, которую решили обойти с юга.

26 февраля Корниловский полк занял станицу Новолеушковскую, оказавшись аккурат в тылу у группировки Сорокина, стоявшей в этот момент в станице Пластуновской. Узнав об этом, Сорокин собрал совет командиров: обсудить, куда

двигаться дальше – брать Екатеринодар или сначала разбить «корниловцев». После боя у Выселок в победе над белыми сомнений больше не было. Склонились к штурму Екатеринодара, в том числе по причине директивных требований Антонова-Овсеенко, определившего екатеринодарское направление как основное. В самом же Екатеринодаре уже готовились город сдать. Обсуждался план отступления вдоль Главного Кавказского хребта в направлении на Баталпашинск (Черкесск). В этот же день в город сумел пробраться офицер-доброволец, посланный Корниловым для установления связи с Краевым правительством. Он передал просьбу Корнилова ни в коем случае город не сдавать, дожидаться подхода армии.

Потеря Екатеринодара ставила Добровольческую армию в очень трудное положение. Впереди – враги. Позади – враги. А посередине – три

Художник А. Н. Ромасюков

тысячи измотанных походом, голодных, оборванных людей. Сам атаман Филимонов позже напишет: *«Удержаться в Екатеринодаре до соединения с Корниловым означало не только спасение Кубани, но и полную ликвидацию неорганизованных и не объединенных еще тогда банд большевиков»*. Поэтому Корнилов спешил. Путь из Новолешковской в Березанскую (60 верст) преодолели за одни сутки стремительным марш-броском. Но на подходе к станции их встретили пули.

Иногородние и фронтовики, взяв верх на станичном сборе, решили «кадетов не пропускать». За ночь вокруг станицы выросли окопы. Добровольцы, развернувшись цепью, пошли в атаку. Бой был коротким, но жестоким: корниловцы и марковцы штыковым ударом заставили противника бежать. Красные отступили на Выселки. Вечером по приказу Корнилова в станичном правлении старики творили расправу над молодыми казаками, примкнувшими к большевикам – «с превеликим удовольствием»

пороли их нагайками. Солдат в плен не брали. **В ночь на 1 марта** был без боя сдан Екатеринодар... Оборону города, на которой так настаивал Корнилов, Краевое правительство и Рада сочли «бессмысленной и безнадёжной». Бог, как говорится, им судья. Хотя, с другой стороны, хорошо об этом рассуждать в теплом кресле. Остатки отряда Покровского, отступившие в город под натиском красных, были совершенно деморализованы... В воззвании, выпущенном за подписью атамана, председателя Правительства и председателя Рады, говорилось: *«Мы не хотели допустить, чтобы жестокость большевистских банд, подогретая азартом борьбы, обрушилась бы на головы беззащитного населения... Мы вышли из Екатеринодара. Но это не означает, что борьба кончена... Мы вас звали к борьбе с анархией и позором, но вы, одураченные красивыми, но лживыми словами фанатиков и продажных людей, вы не дали нам надлежащей поддержки... Мы знаем, что вы скоро поймете свою ошибку... Тогда идите в наши отряды... Общими усилиями мы победим... насильников и вернем свободу для всех граждан Кубани»*.

Корнилов о событиях, произошедших в Екатеринодаре, не знал, поэтому добровольцы продолжали с боями продвигаться к заветной цели.

ВЫСЕЛКИ

На следующий день, 2 марта, главные силы Армии двинулись на станцию Журавскую. Корниловский полк получил приказ занять станцию Выселки. Причина прозаична – самоснабжение: начали заканчиваться боеприпасы, значит, пришла пора добывать их у красных. А в условиях «железнодорожной войны» склады, как правило, находились в эшелонах на станциях – это существенно облегчало снабжение. Стремительной атакой станция была взята. Расчет полностью оправдался – на станции захватили пулеметы и снаряды.

Пикантная деталь: в одном из захваченных на станции вагонов отыскали партию дамского белья. С какой целью возили его за собой красноармейцы,

навсегда останется загадкой. Но корниловцы, совершенно износившись, с хохотом и шутками облачились в кружевные панталоны и сорочки. Рядом на путях остывали трупы. Что поделать – война...

Собрав трофеи и оставив в качестве заслона конный дивизион, полк двинулся дальше – к хутору Малеванному. Не успели пройти и нескольких верст, как со стороны Выселок послышались выстрелы. Это подошедшие силы красных выбили заслон.

В Журавской уже ходили упорные слухи о сдаче Екатеринодара, но Корнилов надеялся, что это – всего лишь досужие сплетни. План был таков: занять станцию Кореновскую, попытаться захватить эшелон. Если удастся, то по желез-

ной дороге, если нет – в пешем строю через два-три перехода достигнуть Екатеринодара, где соединиться с Кубанскими войсками. Для осуществления данного плана было необходимо первоначально выбить красных со станции Выселки. В Кореновской, по непроверенным данным, могло находиться до десяти тысяч штыков противника. Вести неравный бой, имея в тылу вражескую группировку неопределенной численности и состава, по меньшей мере, гарантированное самоубийство.

Атаковать Выселки этой же ночью Корнилов приказал Партизанскому полку генерала Богаевского. Однако тот пожелал своих бойцов. Станция маленькая, хат на всех не хватило – партизаны не успели ни обогреться, ни отдохнуть,

ни поесть толком. Почти всю морозную ночь провели под открытым небом, согреваясь у костров. В атаку пошли ранним утром. На окраине Выселок привычно развернулись в цепь. И вдруг станция, доселе молчавшая, ответила пулеметным огнем такой плотности и частоты (в том числе с подошедшего бронепоезда), что цепи залегли и начали спешно откатываться назад. На подмогу гибнущим партизанам вышел Офицерский полк генерала Маркова, Корни-

ловский полк из Малеванного был направлен в обход в тыл красным.

Исход боя решила 1-я батарея под командованием подполковника Дмитрия Тимофеевича Миончинского. Под ураганным огнем артиллеристы установили свои орудия на позиции в минимально возможной близости от неприятеля – не более четырехсот метров – и меткими выстрелами заставили замолчать бронепоезд, сильно досаждавший атакующим.

Довершили дело корниловцы, вышедшие в тыл: красные бежали, оставив на поле боя примерно две сотни погибших, в основном революционных матросов. Прости, Господи, виноватых и не осуди за кровь невинных... Когда брали пленных, с удивлением выяснили, что на стороне большевиков сражался отряд казаков станицы Суворовская – часть Офицерского полка располагалась у них на ночлег и не заплатила за постой и продукты...

Вспоминает очевидец, Роман Борисович Гуль:

«Мы вышли в открытое поле. Видна станция Выселки, дома, трубы. Идем колонной. Высоко перед нами звонко рвется белое облачко шрапнели. «В цепь!» – раздается команда. Ухнули наши орудия. С хрипом, шуршащем уходят снаряды. Вдали поднялась воронкой земля. Звук. Разрывы удачны. Идем широко разомкнувшись – полк весь в цепи. Визжат шрапнели, воют гранаты. Мы близимся...

Вот с мягким пенем долетают пули. Чаще, чаще... «Цепь – вперед!».. Поднялись. Наша артиллерия гудит, бьет прямо по виднеющимся цепям противника. «Смотрите! смотрите! отступают!» – несется по цепи. Видно, как маленькие фигурки бегут к станции.

Их артиллерия смолкла. Наша усиленно заревела. Слов команды не слышно... С правого фланга, из ложины, вылетела лавой кавалерия, карьером понеслась за отступающими, блестят на солнце машущие шапки... Мы идем быстро. Мы недалеко от станции. Впереди, перебежав полотно, бегут уже без винтовок маленькие фигурки. Пулеметчик прилег к пулемету, как застыл. Пулемет захлопал, рвется вперед. Маленькие фигурки падают, бегут, ползут, остаются на месте...

Мы на полотне. Кругом бестолково трещат выстрелы. Впереди взяли пленных. Подпоручик стоит с винтовкой наперевес – перед ним молодой мальчишка кричит:

- Пожалуйста! Помилуйте!

- Ааааааа... твою мать! Куда тебе - в живот, в грудь? Говори!

- Пожалуйста, дяденька!

- Ах! Ах! - слышны хриплые звуки, как дрова рубят, и в такт с ними подпоручик ударяет штыком в грудь и в живот стоящего перед ним мальчишку...

На путях около насыпи валяются убитые, недобитые, стонущие люди...

Еще поймали. И опять просит пощады. И опять зверские крики...

Вошли на отдых в угловой, большой дом. Пожилая женщина вида городской мешанки, на смерть перепуганная, мечется по дому и всех умоляет ее пожалеть:

- Батюшки! Батюшки! Белье взяли. Да что же это такое! Я женщина бедная!

- Какое белье? Что такое? Кто взял? - вмешались офицеры.

Штабс-капитан вытащил из сундука хозяйки пару мужского белья и укладывает его в вещевой мешок. Меж офицерами поднялся крик.

- Отдайте белье! Сейчас же! Какой вы офицер после этого!

- Не будь у вас ни одной пары, вы бы другое заговорили!

- У меня нет ни одной пары, вы не офицер, а бандит - кричит молодой прапорщик.

Белье отдали...».

КОРЕНОВСКАЯ

Последняя крупная станция перед Екатеринодаром, от нее до кубанской столицы, всего восемьдесят верст, два перехода. Предстояло выдержать всего лишь один бой и два марша – и все. Конец пути. Можно будет передохнуть. Помыться. Выспаться в настоящей постели. Да хоть просто сапоги снять с истлевшими портянками, извините за подробности.

На рассвете 4 марта вся армия двинулась к Кореновской. Основные силы шли от Журавской по грунтовой дороге, имея в арьергарде Юнкерский батальон. Влево вдоль полотна железной дороги продвигались марковцы. Впереди – Офицерский полк с 1-й батареей. В Выселках задержалась полковая подрывная команда, которая перед уходом испортила на станции и в непосредственной

от нее близости железнодорожные пути, подорвала мосты и стрелки, на время обезопасив Армию со стороны станции Тихорецкой.

К 11 часам добровольцы дошли к Кореновской. Расположение и численность красных до самого подхода к станции были неизвестны. Когда шедший впереди Юнкерский батальон приблизился к станции, он был неожиданно обстрелян.

Генерал Деникин: *«Конная часть, бывшая впереди, по обыкновению не предупредила, и голова колонны, выйдя на гребень, с которого открывались уже купола кореновской церкви, попала под сильный ружейный огонь.*

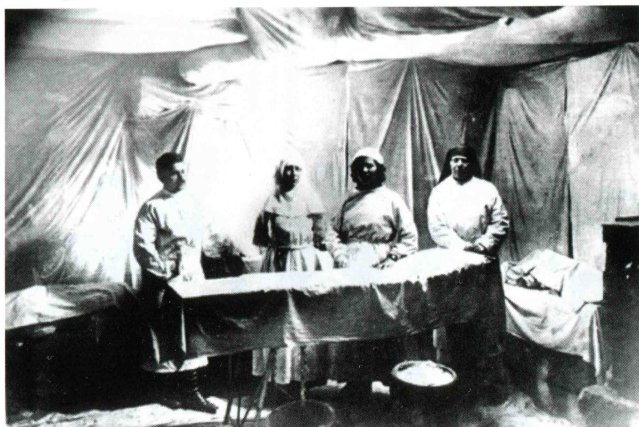
– Положите юнкеров!

Но Боровский не слышит или не хочет слышать – он занят отдачей распоряжений. И на него, и на молодежь

действует присутствие командующего. Рассыпаются по линии, никто не ложится. И скоро жидкие цепи юнкеров тихо, в рост, не останавливаясь, двинулись на станцию, опоясанную длинным рядом окопов, в которых даже простым глазом заметно было большое скопление большевиков.

Было трогательно и волнующе это наступление юношей, почти мальчиков – внешне такое немогущее и такое красивое своей внутренней доблестью и простотой. Видно, и на большевиков оно произвело впечатление: огонь здесь стал реже и беспорядочнее».

Станцию обороняли четырнадцать тысяч штыков, при поддержке орудий и сбжавшего из Выселок бронепоезда.

Главная тяжесть боя досталась корниловцам, поддержавшим атаку юнкеров.

Корниловец: «Тихое, ясное утро. Мы вышли из Малеванного. Усталые от боев и переходов, все хотят только одного: отдыха. Идем степями. Скоро Кореновская. Где-то протрещали одинокие выстрелы. К командиру полка подъехали какие-то конные, что-то докладывают. И сразу облетело всех: Кореновская занята боль-

шевиками. Вместо отдыха – опять бой. Мы уже цепью идем по степи. Рвутся снаряды... Они пристрелялись – шрапнель рвется на уровне человеческого тела и немного впереди цепей. Лопнет белое облачко, и, как придавит цепь, – все падают. Сзади стон, кто-то ранен. Сестра повела его под руку. Еще кто-то упал. Чаще со злым визгом рвутся шрапнели, чаще падают идущие люди. Уже свистят пули, захлопали

пулеметы. Мы залегли, на- скоро окапываясь руками... Вот снапом долетают пули, визжат, ложатся впереди, ближе, ближе поднимается от них пыль, как будто кто-то страшный с воем дотягивается длинными щупальцами. Цепь прижимается, вжимается в землю...

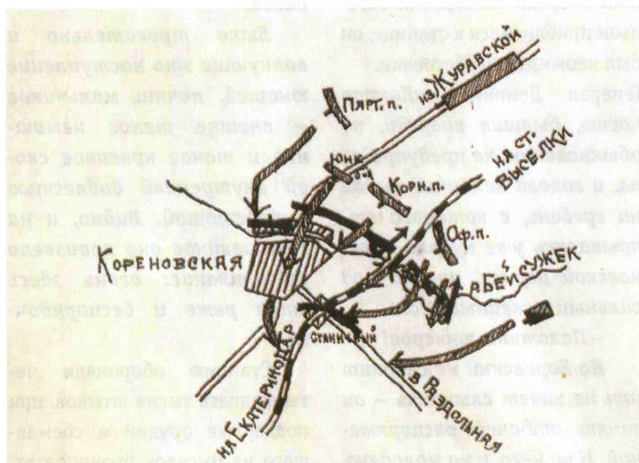
Из второй цепи донеслось жалобное «ой... ой... ой...». Кто-то ранен там, где лежит брат. Неужели он?... Чувствую, как кровь отливает от головы. Путаюсь, летят мысли...

– Лойко ранен!

– Лойко – слава Богу, – стало легко... И тут же проносится: «Какая сволочь, рад, что не брат, а Лойко ведь сейчас умирает, а у него тоже и мать и семья...».

Я смотрю вперед: далеко, колыхаясь, на нас движутся густые цепи, идут и стреляют... Как же я не заметил, проносится у меня... надо стрелять... затвор плохо действует... опять не почистил... Кругом трещат винтовки.

– Отходить! – кричит кто-то по цепи... Все встают, отступают, некоторые побежали... Отступление! Проиграли! Но куда же отступать! Некуда ведь! Я иду, оборачиваюсь, стреляю в черненькие фигурки... Сзади роем визжат, несутся пули, падают кругом, шлепая по земле... Неужели ни одна не попадет в меня?..

как странно, ведь я такой большой, а их так много...»

Не выдержавшие контр-атаки, юнкера и корниловцы впервые за поход начали отступать. Но отступать и правда было некуда. Если Армия была бы опрокинута, это привело бы к ее немедленной и неминуемой гибели. Конница красных могла в считанные минуты вырубить в чистом поле побежавшие части.

Генерал Деникин: *«Бой в полном разгаре. Немолчно гудит неприятельская артиллерия, ружейный огонь сливается в сплошной гул. Попали в полосу сильного ружейного обстрела. Все легли. Пытаюсь убедить Корнилова отойти в сторону или, по крайней мере, лечь. Безрезультатно. Обращаюсь к Романовскому:*

– Иван Павлович, уведите Вы его... Подумайте, если случится несчастье...

– Говорил не раз – бесполезно. Он подумает, в конце концов, что я о себе забочусь...

Корнилов поднялся на пригорок, глядит в бинокль. С ним рядом Романовский. Смотрю на них с тревогой, люблюсь обоими и вспоминаю – кого еще на протяжении шести лет трех войн я видел таким равнодушным к дыханию смерти... Из обоза доносят: патроны и снаряды на исходе; части требуют; отдавать ли последние?

– Надо выдать – на станции мы найдем их много – говорит Корнилов...

В этот день, кроме превосходства сил, мы встретили у противника неожиданно – управление, стойкость и даже некоторый подъем. Бой затягивался, потери росли.

Среди офицеров разговор:

– Ну и дерутся же сегодня большевики!..

– Ничего удивительного – ведь русские...

Разговор оборвался. Брошенная случайно фраза задела больные струны...»

Первыми под пристальным взглядом командующего опомнились корниловцы. Остановились. Потом снова пошли в атаку. Заметив это, Корнилов обходным маневром бросил в бой свой последний резерв – партизанский полк. Ценой десятков жизней корниловцам все-таки удалось занять окопы. Завязалась штыковой бой, окопы несколько раз переходили из

рук в руки. Казалось уже, что эта схватка не кончится никогда. Но вот за левым флангом красных послышались громкие крики «Ура!» – юнкера и партизаны ворвались в станцию. Только на станции еще шел бой между большевиками и офицерским полком генерала Маркова. Красные начали отступать. Не бежать, как было раньше, а организовано отходить. Бой за станцию продолжался до позднего вечера – красные при поддержке отважного и умелого командира бронепоезда постоянно контратаковали.

В конечном итоге большевики отошли к Платнировской. Они были отброшены, но не разбиты, полностью сохранив дисциплину и боеспособность. В отбитом на станции эшелоне добровольцы обнаружили несколько сотен снарядов, патронов, пулеметы. А также еду и медикаменты. Но очень дорого обошлась эта победа – Армия потеряла почти четыреста че-

ловек убитыми и ранеными. Но это было еще полбеды. Победителей ждала страшная новость. Из подобранной в окопах большевистской газеты они узнали о падении Екатеринодара. Журналист красочно описывал встречу делегатов екатеринодарского совета с передовым отрядом красных войск, во время которой обе стороны *«не могли говорить от волнения и только со слезами на глазах обнимали друг друга»*...

Это был тяжелый удар для Армии. Терялась идея всей операции, всего похода. Люди были вымотаны и физически и морально. Их уже не волновал вопрос – что дальше, они просто валились с ног от усталости...

Корниловец: *«На площади, в училище – лазарет. Помещение в несколько комнат завалено ранеными. Тускло светят керосиновые лампы. В воздухе висит непрекращающийся стон, нечеловеческий, животный.*

– Сестра, куда раненого положить?

– Ах, все равно, все комнаты переполнены... Пол зава-

лен людьми. Чуть брезжит свет, ползет в окна. В комнате те же крики, стоны. «Сестра, воды!», «Сестра, перевяжите!», «Сестра, я ничего не вижу. Доктора позовите, умоляю!»... Умерших за ночь выносят, на их место приносят новых... Рядом со мной лежит кадет лет шестнадцати. У него разбита ключица, он тихо зовет доктора, сестру, но его никто не слышит за общим стоном... Три сестры не успевают ничего сделать. Старые раны гноятся, перевязки не переменены, серьезные ранения требуют доктора. Докторов почему-то нет, а в лазарете их восемь человек...».

Война... Война...

Несмотря на усталость, в штабе решали, как быть. Армия оказалась в положении стратегического окружения. Выполнение ранее поставленной задачи потеряло всякий смысл, кроме того, было сопряжено с огромным риском. Оставаться на месте – смерть. Красные, подтянув резервы, рано или поздно станцию возьмут – в

тылу оставалась мощная Тихорецкая группировка. Большевиками контролировалась вся железная дорога, вплоть до Ростова. Запас снарядов катастрофически мал. Снабжения нет. Боевая часть Армии уменьшилась, в то же время обоз за два дня боев увеличился из-за огромного числа раненых на двести подвод. Все понимали, что с каждым боем он будет сковывать Армию все больше и больше...

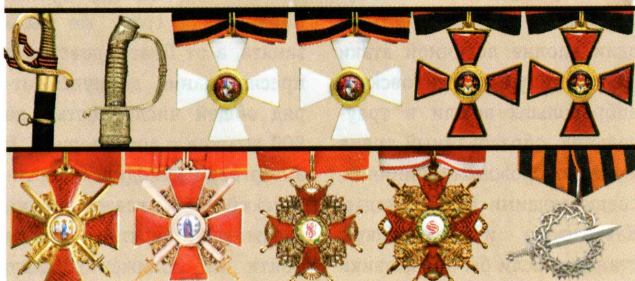
Тяжело было всем, но положение раненых было катастрофическим. Почти каждый день длинный утомительный поход в тряской телеге, по невылазной грязи, по кочкам и рытвинам, иногда рысью. Три четверти дня под открытым небом, в поле под проливным дождем или в жестокую стужу, от которой не спасала солома и наброшенные жидкие шинели и одеяла.

Не было надлежащей санитарной организации и почти не было ни инструментов, ни медикаментов, ни перевязочного материала и антисептических средств. Раненые испытывали невероятные страдания, умирали от заражения крови и от невозможности производить операции даже легкораненые. В армии знали, что делается в лазарете и что ожидает каждого, кому придется лечь туда. Из лазарета шел стон и просьбы о помощи; там создавалась острая атмосфера враждебности раненых к лазаретному персоналу, вызывавшая иногда в ответ полную

апатию даже со стороны людей, преданных своему делу, но положительно сбившихся с ног и растерявшихся в необычайной обстановке похода... Иногда обстановка складывалась особенно тяжело, и раненые, теряя самообладание, угрожали лазаретному персоналу револьверами. Начальство принимало меры к успокоению. Одного только не решались сделать – отнять у раненых оружие; возможность распорядиться своею жизнью в последний роковой момент была неотъемлемым правом добровольцев. Так что, имея на руках такой обоз, принять решение о дальнейших действиях было совсем не просто...

Генерал Деникин: *«За пределами района мы ничего не знали. Область была охвачена пожаром, все внутренние связи – моральные, административные, технические – были порваны, взаимоотношения перепутались, и на почве общего разлада росли и ширились только слухи, один другого нелепее, один другого обманчивее. Ничтожный состав конницы не позволял производить серьезных дальних разведок. Посылаемые штабом тайные разведчики – люди верные и самоотверженные – обыкновенно пропадали: их ловили, мучили, убивали, в лучшем случае они томились в тюрьмах и в подвалах чрезвычайка. Мы не знали тогда, что за Кубанью армия попадет в сплошной*

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ
Вооруженными силами на Юге России
ГЕНЕРАЛ-ЛЕНТАНАНТЪ
АНТОНЪ ИВАНОВИЧЪ
ДЕНИКИНЪ

Награды генерала Деникина: золотое Георгиевское оружие, золотое Георгиевское оружие с бриллиантами, орден Святого Георгия 3-й и 4-й степени, орден Святого Владимира 3-й и 4-й степени, орден Святой Анны 2-й степени с мечами, 3-й степени с мечами и бантом, орден Святого Станислава 3-й степени, 2-й степени с мечами, знак первого Кубанского похода.

большевистский район и дня в день; что и это новое долго еще будет вести непрерывные тяжелые бои изогромное напряжение не сломит дух добровольцев...»

ПОХОД. ПРОДОЛЖЕНИЕ

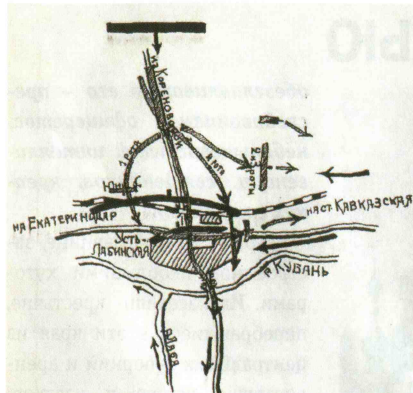
Весь день 5 марта Добровольческая армия отдыхала в Кореновской. Вечером поступил приказ построиться в маршевые колонны, соблюдая полнейшую тишину. Ночью Армия двинулась на Усть-Лабинскую переправу. Это был смелый до безрассудности маневр. В то время как красные ожидали вполне логичной атаки на станцию Платнировскую, добровольцы вошли в треугольник, образованный тремя железнодорожными линиями, соединяющими Екатеринодар, Кавказскую и Тихорецкую станции. Если бы большевики разгадали маневр... Имеющихся у них сил с лихвой хватило бы для последнего для добровольцев боя. Деникин позже писал, что только с такой армией, как Добровольческая, можно было решиться на подобное: основой риска была вера командующего в Армию

и беззаветная вера Армии в своего вождя. Несмотря на все меры предосторожности, уйти незамеченными все же не удалось. Уже на рассвете один из красных конных разведов обнаружил отход. Надо отдать должное Сорокину, он действовал быстро и решительно. Оставленная добровольцами Кореновская сразу же была занята, а от Платнировской в преследование двинулся отряд общей численностью до 500 штыков с артиллерией. В арьергарде находился партизанский полк, всеми силами сдерживая попытки пехоты пойти на сближение. Зато артиллерия противника, не считая снарядов, обстреливала обоз. В голове колонн шел Корниловский полк. Ему было приказано ворваться в станцию и овладеть переправой – мостом через реку Кубань. Кстати, никто не знал, цел мост или уже взорван. В послед-

нем случае Армии грозила перспектива быть прижатой к полноводной, не переходимой вброд реке. Дальше – смерть. Для кого-то быстрая в бою, для кого-то унижительная и мученическая.

Корниловец: *«Нас под самой станцией огнем встретили. Мы в атаку пошли, отбросили их. Потом к ним с Тихорецкой эшелон подъехал, они опять на нас (эшелон и бронепоезд – прим. Авт.). Бой здоровый был. Все-таки погнали их и в станцию ворвались. На улицах стали драться. Они частью к заводу отступили, частью за станцию. Нам было приказано за станцию не идти, а Неженцев зарвался, повел, ну, которые на завод отступили и очутились у нас в тылу. Тут еще начали говорить, что обоз с ранеными отрезан. Мы бросились на завод – выби-*

ли. Они бежать в станицу, а там их Марковский полк штыками встретил, перекололи. Здесь такая путаница была, чуть-чуть друга друга не перестреляли... Из тюрьмы мы много казаков освободили. Часть большевики расстреляли перед уходом, часть не успели.

– А пленных много было?

– Да не брали... Когда мы погнали их за станицу, видим, один раненого перевязывает... Капитан раненого застрелил, а другого взяли. Ведут и спорят, кому после расстрела штаны взять (штаны хорошие были). Один кричит: «Смотрите, капитан, у меня совершенно рваные и ничего больше нет! А другой уверяет, что его еще хуже... Ну, тут как раз нам приказ на завод идти. Застрелили его, бросили и штанами не воспользовались...».

И опять Корнилов на передовой, в самой гуще «здорового боя». Многим запомнилось, как генерал Марков буквально

орал на членов штаба:

– **Уведите вы его, ради Бога. Я не в состоянии вести бой и чувствовать нравственную ответственность за его жизнь.**

– **А Вы сами попробуйте, Ваше превосходительство!..**

Переправа на левый берег Кубани началась, когда на улицах станицы еще гремели выстрелы. Техническая рота обследовала мост. Повезло: участок дорожного полотна был вырван взрывом, но каменные опоры и стальные пролетные строения не пострадали. Внушительных размеров дыру заделали в рекордные сроки. На всякий случай для переправы строевых частей, охранявших мост, были приготовлены лодки и подручные средства. Но они так и не понадобились. Переправа боевых частей и обоза затянулась до полуночи. Уже за последние последние снялись с боевого охранения и переправились «корниловцы». Прикрывали переправу девушки, выпуск-

ницы Александровского военного училища (об их судьбе см. в ДК №2, – прим. Авт.).

До ближайшей за переправой станицы, Некрасовской, где назначен ночлег, предстояло пройти еще десять верст бесконечного пути (всего за сутки с боями прошли более сорока). Дошли лишь под утро, но и Некрасовская оказалась занятой. Люди уже передвигались как зомби, без мыслей, без эмоций... От усталости Корниловский полк пошел в атаку как на параде: под звуки полкового оркестра, чеканя шаг, не обращая внимания на пулеметный огонь, с полным презрением к своей жизни. Такой атаки большевики не выдержали, видимо, на уровне инстинкта поняв, что перед ними уже – смертники и пощады ждать не придется.

На рассвете 7 марта Некрасовская была занята целиком, измученные люди засыпали прямо на порогах хат, а многие и просто на улице...

ЗА КУБАНЬЮ

Бежавшие из Некрасовской красногвардейцы перешли речку Лабу и оттуда, защищенные естественной преградой, начали обстреливать Некрасовскую. В том числе из орудий. С тыла отряды Ивана Сорокина пытались форсировать Кубань. Их до поры до времени сдерживал заслон Корниловского полка.

7 марта штаб Армии принимает решение о дальнейшем маршруте движения. В Закубанье на долгожданный отдых рассчитывать не приходилось – район целиком занят большевиками. Необходимо форсировать Лабу и двигаться дальше – в район черкесских аулов. Там, по меньшей мере, был шанс соединиться с Кубанским добровольческим отрядом, отошедшим из Екатеринодара: худо-бедно – 1200 штыков.

Генерал Богаевский: *«Мы попали в сплошное осиное гнездо большевизма. Занимаемые селения оказывались почти пустыми, но в них не было нам ни минуты покоя. Кольцо, сжимавшее измученную Армию, охватывало ее все плотнее и нужны были отчаянные усилия, чтобы прорывать его и двигаться дальше».*

На самом деле Армии просто повезло, что в этих краях у красных еще не было единой системы управления. При явном численном превосходстве

(в десятки раз) отряды красногвардейцев не умели и не могли вести совместные боевые действия, являясь, по сути, шайками или ватагами плохо организованных людей, не готовых к серьезному вооруженному сопротивлению.

Генерал Деникин: *«Повсюду в области, в каждом поселке, в каждой станице собиралась красная гвардия из иногородних, еще плохо подчинявшаяся центру... Объединяясь временами в волостные, районные, «армейские» организации, эта вооруженная сила, представлявшая недисциплинированные, хорошо вооруженные, буйные банды, будучи единственной в крае, приступила к выполнению своих местных задач: насаждению советской власти, земельному переделу, «изъятию хлебных излишков», «социализации», т. е. попросту ограблению зажиточного казачества и*

обезглавливанию его – преследованием офицерства, меньшевистской интеллигенции, священников, крепких стариков».

Армия шла по равнине, застроенной небольшими хуторами. Их населяли крестьяне, перебравшиеся в эти края из центральных губерний и арендовавшие землю у казаков. Приобретать землю в собственность они права не имели, за что к казакам большой любви не питали. Добровольческую армию крестьяне восприняли как сторонницу казаков, поэтому практически поголовно встали на сторону красных. Колонну постоянно атаковали небольшие отряды. При разворачивании в цепь быстро отходили. И через какое-то время нападали снова. То справа, то слева, то сзади постоянно звучали выстрелы. В новых условиях Корнилов перестроил маршевый порядок. Впереди шли корниловцы, марковцы и юнкера прикрывали колонну с флангов, партизанский полк находился в арьергарде. Генерал Марков возглавил оперативный резерв группы легкораненых офицеров, защищавших обоз. Так и шли – в состоянии «постоянного соприкосновения с противником». День за днем. По ночам наблюдали зарева пожаров – это сводило счеты друг с другом местное население. Казаки с иногородними, иногородние с черкесами и казаками, какие-то

банды и с теми и с другими... И грабили, грабили, грабили... Все труднее становилось удерживать Армию от мародерства: шли-то по большевистским хуторам, которые сначала встретили огнем, а потом бежали от расправы – поэтому угрызений совести не испытывали. Даже офицеры больше не брезговали снимать сапоги с убитых.

10 марта с боем перешли реку Белую. Этот бой чуть не стал для Армии последним. Пока выбивали красных с противоположной стороны реки и переправляли обоз, к ним подошло подкрепление из Майкопа. А с тыла атаковали сорокинцы... Корнилов бросил в бой всех, кто мог носить оружие. Раненых, телефонистов, музыкальную команду, личную охрану... Силы атакующих в несколько раз превышали количество оборонявшихся добровольцев. Положение обострилось настолько, что тяжелораненые уже приготовили револьверы, чтобы стреляться. Но тут сыграла свою роль личность командующего. Корнилов очень тонко уловил момент, когда в бою наступил зыбкий психологический перелом. Красные усомнились в своем преимуществе, пораженные упорством, а

добровольцы были доведены до предела человеческих возможностей. И тогда он дал приказ наступать. Те, кому довелось участвовать в боевых действи-

го-либо слабого толчка, чтобы одна из сторон сама признала себя побежденной...

Как и в бою под Усть-Лабинской, приказ о наступлении могли выполнить только люди, добровольно взвалившие на себя все тяготы и лишения похода и безгранично верящие своему командиру. И насколько прав был молодой тогда еще капитан Неженцев, который на фронтах Первой мировой предложил формировать отряды из добровольцев, а не из призывников...

Добровольцы в атаку поднялись. Снова зазвучало над полем: *«Так за Корнилова, за Родину, за Веру мы грянем громкое ура, ура, урааааааааааааааа!»* И красные побежали. На Кавказе говорят, что если сердце из стали, то и деревянный кинжал хорош. Красные бежали, не зная, что на их стороне численное преимущество, огневая мощь и даже, как будут утверждать позже, самая прогрессивная идеология. Дорого далась эта победа. Один только Корниловский полк потерял более двухсот человек, обоз с ранеными увеличился втрое... Впереди были предгорья Кавказа.

Генерал Богаевский

Награды генерала Богаевского: золотое Георгиевское оружие, орден Святой Анны 1-й, 2-й, 3-й степени, орден Святого Владимира 2-й степени, орден Святого Станислава 1-й и 2-й степени, Георгиевский крест 4-й степени, знак первого Кубанского похода.

я, знают, что в любом бою бывают минуты, когда между сторонами наступает какое-то странное и неустойчивое равновесие. И достаточно како-

КАВКАЗ

Марковцы-пулеметчики

*«Не спит казак во тьме ночной;
Чеченцы ходят за рекой!
Но вот они стрелу пускают,
Взвилась! и падает казак
С окровавленного кургана;*

*В очах его смертельный мрак:
Ему не зреть родного Дона,
Ни милых сердцу, ни семью:
Он жизнь окончил здесь свою».*

М.Ю. Лермонтов.
Поэма «Черкесью».

Делегация станицы Язанская встретила передовые части Армии с белым флагом и на коленях. Объявленные «равенство и братство» казаки этой станицы восприняли весьма своеобразно – объявив себя большевиками, они разгромили и разграбили соседние мирные аулы, а в одном из них (Табукае) вырезали всех взрослых мужчин черкесов. И теперь ожидали совершенно справедливой и заслуженной расправы. Вот вам и «злой черкес» Лермонтова. Братья-то славяне что-то тоже не толстовцы... Вспоминает Роман Борисович Гуль: *«Мы едем мимо какого-то селения... Я*

смотрю на маленькие белые хатки, и меня поражает: почему не видно ни одного ни человека, ни животного? Замерли безжизненно дома. Ветер ударяет маленькими ставнями, поднимает солому на крышах. Крошечный аул – мертвый.

– Станичник, аул брошенный, что ли?

– Перебитый, – отвечает казак – Большевики перебили. Да вот не больно давно. Напали на этот аул, всех вырезали. Тут народу мертвого что навалено было... и бабы, и ребятишки, и старики... У них с черкесами тоже война...

– Какие же это большевики, из Екатеринодара или местные?

– Всякие были, но больше с хуторов – местные...

В другом черкес рассказал, что из 300 с лишним жителей малого аула более 200 было убито большевиками. Оставшиеся в живых разбежались...

Аул Шенжи больше других напоминает казачьи станицы. Дома просторнее, лучше. Улицы прямые. Мы нашли просторную саклю: кое-какая городская обстановка, в углу граммофон. Пожилая черкешенка... просит перевязать сына, большеви-

ки штыками искололи.

– За что же они вас так?

– невольню спрашиваю я.

*– Буржуй, говорят, – от-
ветил черкес».*

Надо ли говорить, что в черкесских аулах Добровольческую армию встречали как освободителей. В Шенжи у мечети состоялся митинг. Мулла призывал черкесов к священной войне, к мести за убитых отцов и братьев. Вскоре к трехцветному бело-сине-красному знамени Армии присоединилось зеленое знамя Пророка. В этом же ауле 14 марта состоялась долгожданная встреча Корнилова с Покровским, к этому времени уже генералом и «командующим войсками Кубанского края». Генерал Деникин описывает эту встречу несколько иронично. Оно и понятно для штаба Корнилова,

высшего генералитета царской армии, Покровский оставался штабс-капитаном, пусть и героем. Корнилов привычно потребовал вхождения кубанских войск в состав Добровольческой армии. А на аккуратное и вежливое возражение Покровского, мол, кубанская Рада желает иметь собственную армию резко и презрительно отреагировал генерал Алексеев: *«Полно-
те, полковник, извините, не знаю, как Вас и величать. Просто Вам не хочется поступиться своим самолюбием».* Тем не менее через три дня соглашение о присоединении кубанской армии было подписано на совместном совещании в присутствии атамана Филимонова, генерала Покровского, Председателя и товарища председателя законодательной Рады и Председателя

правительства. В Соглашении значилось: *«В виду прибытия Добровольческой армии в Кубанскую область и осуществления ею тех же задач, которые поставлены Кубанскому правительственному отряду, для объединения всех сил и средств признается необходимым переход Кубанского правительственного отряда в полное подчинение генералу Корнилову, которому предоставляется право реорганизовать отряд, как это будет признано необходимым».*

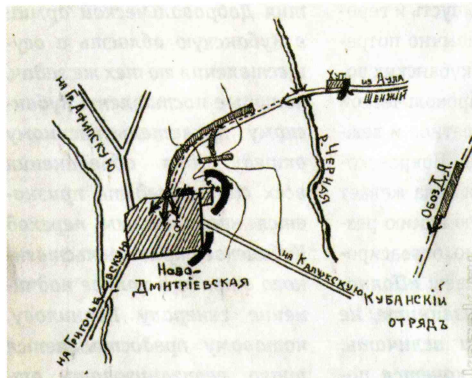
Деваться им, по сути, было некуда: несколько кубанских частей мягко намекнули своему правительству, что, если те будут мечтать о самостоятельности, они сами перейдут к корниловцам. Как и положено – в качестве добровольцев.

Художник Радомир

ЛЕДЯНОЙ ПОХОД

Э то название Первый Кубанский поход получил после крайне тяжелого перехода из аула Шенжи в станицу Новодмитриевскую, где и должны были физически, а не юридически соединиться Добровольческая и Кубанская армии. До станицы нужно было пройти не больше двадцати километров, но погода внезапно испортилась. Пошел проливной дождь. Дорога стремительно размочала, превратившись в болото. В полдень температура резко упала. Повалил снег. Из-за метели и снежных зарядов стало сложно даже разглядеть спину впереди идущего... Наквось замёрзшие вещи превратились в лед, полы шинелей отламывались, как стекло. Верховые примерзали к седлам. Орудия при малейшей остановке намертво вмерзали в обледеневший грунт. Пурга слепила глаза и валила с ног лошадей. Если лошадь не поднималась, нужно было бросать подводку и двигаться вперед – иначе

смерть. Несколько подвод с ранеными так навсегда и остались в степи...

Шли до темноты.

И тут, как назло, сразу две неприятности. Первая – станица занята красными. Вторая – река Черная, преграждавшая путь к станице, не замерзла, а превратилась в мощный грязевой поток. Люди, промерзшие до костей, отчаянно жаждали тепла. На берегу реки стояли три небольшие хатенки, в которые набилось несколько сотен человек, а вокруг стояли, лезли в окна и двери и просили обмороженные люди – дайте хоть минутку погреться... Те, кому не довелось прикоснуться к живительному теплу, вопреки уставам и здравому смыслу развели костры. К огню жались и люди и лошади. По этим кострам начала с противоположного берега бить вражеская артиллерия. Один из участников похода рассказывал, что даже неминуемая смерть не способна была отогнать людей

от огня. На место мертвых тут же протискивались еще живые с одной целью – согреться... В обозе начали умирать раненые. Раздавались револьверные выстрелы – кто-то предпочитал быструю смерть от пули мучительной от обморожения. И снова командующему нужно было принять нелегкое решение. Остаться на берегу – смерть всей армии. Штурмовать в таком состоянии...

Корнилов приказал: выбить красных из станицы.

Неженцев и Марков лично повели своих людей в атаку, первыми нырнув в ледяную воду. Вода была по грудь, сила потока сбивала с ног. Упавшие уже не поднимались – их уносило потоком. Марков, как всегда, не потерял своего потрясающего присутствия духа и продолжал шутить, подбадривая офицеров:

– А что, господа, похоже, сыровато?

Ему ответил Неженцев:

– Ничего, в воде согреемся!

Мы уже писали, что эти люди у своих подчиненных вызывали не просто восхищение – преклонение. В такие минуты понимаешь, почему.

На противоположный берег из воды вскарабкались «обледенелые чудища» и ударили в штывки. Красные, не ожидавшие штурма в такую ночь, спали по хатам... Кстати, г-н Покровский, который должен был атаковать станицу с юга, так и не подошел – счел невозможным двигать по такой дороге и в такую погоду свой отряд. Невыполнение приказа в последующие дни стоило нескольким десяткам добровольцев жизни – отсутствие у белых конницы (которая была у Покровского) спасло красных от разгрома. Пусть и в полном беспорядке, но они отступили. А должны были погибнуть... Всю ночь в станице шел бой – за каждый дом, за каждый огород. Всю ночь Армия переправлялась через реку. Но даже путем героических усилий армейский обоз было не переправить, его бросили до утра, выставив караулы.

Вездесущий Марков, закончив командовать атакой, вернулся руководить переправой, подбадривая крепким русским слов-

цом выбившихся из последних сил людей. До наших дней дошел следующий диалог:

Ночью не всех красных вывели из станицы, да и части белых страшно перемешались :

добровольцы занимали первые попавшиеся хаты и там спали вповалку, отогревались. Утром все стали искать свои части. Все чаще на улицах зазвучали выстрелы.

Марковец: *«В офицерскую избу вошел с улицы солдат.*

– Товарищи, где третья рота?

– Здесь. Садись, – отвечал один из офицеров, принимая у него винтовку. – А тебе какую третью роту нужно? Мы, например, – Офицерский полк...».

Специально выделенные сводные взводы и полувзводы до полудня зачищали станицу. Днем на окраине построили виселицу – для семерых плененных комиссаров. Подсчитали потери. Основное количество погибших пришлось на обоз – несколько десятков раненых замерзли или окончили жизнь... Боевые потери ничтожны: например, Офицерский полк по-

терял всего двух человек убитыми и десять ранеными, при том, что красные потеряли в этом бою более тысячи человек...

Генераль-Лейтенантъ

СЕРГѢЙ ЛЕОНИДОВИЧЪ МАРКОВЪ

Награды генерала Маркова: золотое Георгиевское оружие, орден Святого Георгия 4-й степени, орден Святого Владимира 3-й степени, 4-й степени с мечами и бантом, орден Святой Анны 2-й, 4-й, 3-й степени с мечами и бантом, орден Святого Станислава 2-й степени с мечами, 3-й степени с мечами и бантом, знак первого Кубанского похода.

– Какая б... там пузырь пускает? – Генерал Богаевский! – О, Африкан Петрович! Плывите сюда – здесь мелко!

По словам генерала Маркова, при иных условиях в открытом бою Новодмитриевскую было бы не взять. Отличное тактическое расположение, прикрытые артиллерии, заблаговременно вырытые с трех сторон окопы и более трех тысяч защитников делали станицу для Добровольческой армии неприступной.

Два дня добровольцы сушились и отогревались, выкапывали брошенные повозки, мылись, брились, стирали. Два дня красные пытались отбить станицу, два дня отходили с большими потерями. Потом, по слухам, закололи командиров, гнавших

их на смерть, и окончательно отошли в сторону станицы Григорьевской, ограничившись артобстрелом...

Генерал Корнилов, благодаря генерала Маркова за бой, сказал:

– Это был чисто Суворовский переход!

– Никак нет! – возразил Марков. – Это был Корниловский переход!

Офицеры промеж собой называли переход «Марковским», оценив вклад Сергея Леонидовича в победу. Это подтверждает и генерал Деникин: *«Этот бой, – слава генерала Мар-*

кова и слава Офицерского полка, гордость Добровольческой армии и одно из наиболее ярких воспоминаний каждого первопоходника о минувших днях не то были, не то сказки». А утвердившееся в истории название «Ледяной», по словам современников, принадлежит сестре милосердия Юнкерского батальона по имени Шура, а точнее, Шурочка. Якобы ее, свою восторженную поклонницу, генерал Марков встретил на одной из улиц станицы и остановился, чтобы спросить, как она перенесла тяготы похода.

- Это был настоящий ледяной поход! - заявила сестра.

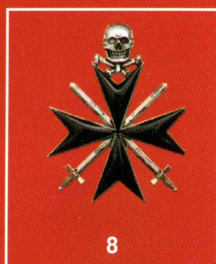
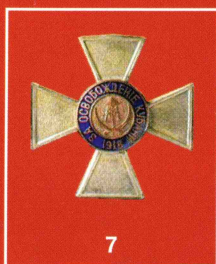
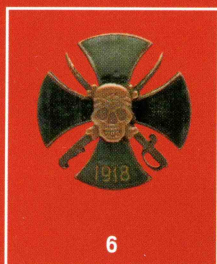
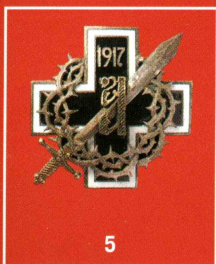
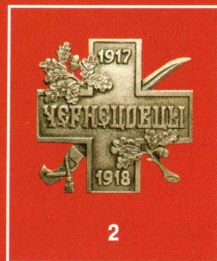
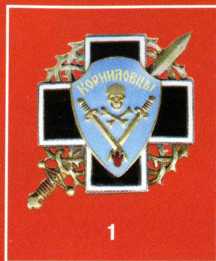
- Да, да! Вы правы..., - согласился генерал Марков.

С ее легкой руки это точное определение осталось не только для одного дня 15 марта 1918 года, но и для всего Первого Кубанского похода.

Художник Юрий Каштанов

СЕРИЯ «БЕЛАЯ ГВАРДИЯ» ПЕРВЫЕ 8 НОМЕРОВ

ЗАКАЗ ПО ТЕЛЕФОНУ: +7(812) 274-57-19, 274-77-94.

ЗАКАЗ ПО ПОЧТЕ: E-MAIL: FIN@XFILE.RU, CIRCUL@XFILE.RU

Журнал «Секретные материалы 20 века. Досье» ● учредитель: Химич В.Р. ● издатель в России: ООО МА «Северная Венеция». Санкт-Петербург, 2-я Советская, д. 27/2, офис 2 ● генеральный директор: Химич В.Р. ● технический директор: Яшин В.В. ● редактор: Трифонова Е.В. ● верстка и обложка: Каплиенко А.П. ● адрес редакции: Россия, 191024, Санкт-Петербург, 2-я Советская, д. 27/2, офис 2 ● тел.: (812)717-11-15 ● e-mail: xfiles@xfile.ru ● коммерческий отдел: тел./факс (812)274-57-19, 274-77-94 ● e-mail: circul@xfile.ru. ● журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия ● свидетельство ПИ №ФС77-26686 от 22.12.2006 г. ● зарегистрирован Государственным Комитетом телевидения и радиовещания Украины ● свидетельство КВ №10312 от 23 августа 2005 года ● отпечатан в типографии ООО «СИНЭЛ». 194233, СПб, ул. Курчатова, д.10, тел.: (812) 552-61-46 ● суммарный тираж 100 000 ● подписано в печать: 04. 08. 2012 г. ● заказ №651 ● цена свободная ● проект создан при поддержке Национальной сети распространения прессы «Союзпечать». Серия «БЕЛАЯ ГВАРДИЯ» выходит при информационной поддержке научного отдела Царскосельского военно-исторического музея «РАТНАЯ ПАЛАТА».

Ратная Палата – музей украденной победы.

ЦАРСКОЕ СЕЛО

1 августа 2014 года, когда будет праздноваться столетний юбилей со дня начала Первой Мировой войны, откроется музей Великой войны в здании Государевой Ратной Палаты в городе Пушкин – пригороде Санкт-Петербурга. Практически вся коллекция Ратной Палаты была утрачена, поэтому сейчас Государственный музей-заповедник «Царское Село» проводит большую работу по поиску и приобретению экспонатов для будущего музея. Ратная Палата была построена на деньги Елены Третьяковой, вдовы брата Павла Михайловича Третьякова, русского мецената и коллекционера. Хочется верить, что меценаты современности не останутся равнодушными и примут участие в создании первого в России музея Первой Мировой войны.

Контакты: ratnaya.palata@mail.ru, George_Wedensky@mail.ru +7921 952-02-54, 465-54-10

Серия «Досье Коллекция. БЕЛАЯ ГВАРДИЯ»

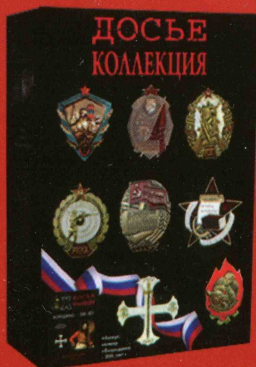
Следующий номер –
«Дроздовцы».
Вложение –
знак полка генерала
Дроздовского

Первая серия
«Досье Коллекция»
в подарочной коробке.

14 номеров,
14 знаков-вложений.

+Бонус
«Белая гвардия»

Вторая серия
«Досье Коллекция.
Цена Победы»
в подарочной коробке.

7 номеров,
7 знаков-вложений.

+Бонус
«Бородино – 200 лет»

ГЕНЕРАЛЬНАЯ КАРТА

ЗЕМЛИ ВОЙСКА ДОНСКАГО

Съ показаніемъ почтовыхъ и большихъ проѣзжихъ дорогъ, станцій и разстояній между оными верстами.

Сочинена

по новейшимъ и достовернымъ свѣдѣніямъ въ С. Петербургѣ 1823 года.

CARTE GÉNÉRALE

DU TERRITOIRE DE LA MILICE DE DON

avec l'indication des chemins de poste et d'autres grands chemins praticables des stations et des distances entre elles en verstes.

Composée

d'après les plus nouveaux et authentiques renseignements à S. Pétersbourg 1823.

EXPLICATION DES FRONTIÈRES

Depuis A jusqu'à B du gouvernement de Ekaterinoslaw

B — C — Voronège

C — D — Saratow

D — E — Astrakhan

E — A de la Province de Caucase

ИЗЪЯСНЕНІЕ ЗНАКОВЪ

EXPLICATION DES SIGNES

Городъ Губернской

VILLE DE GOUVERNEMENT

Уѣздною

DISTRICT

Принписной

PROVINCE

Болъ Станица

Grande Stanitza (sejour des Cosaques)

Крѣпость

Forteresse

Село и Слобода

Village et nouvelle Campagne (Sloboda)

Монастырь и Лутыня

Monastere et hermitage ou abbaye

Деревня

Village

Хуторъ

Metairie (Khoutor)

Заводъ и фабрика

Fabrique

Почтовая станція съ дворомъ

Station de poste avec la cour

Главная

Grand chemin de Poste

Губернская Почтовая Дорога

Chemin de Gouvernement

Уѣздная

District

Проезжая Большая Дорога

Grand chemin praticable

Граница Губернская

Frontiere de Gouvernement

Уѣздная

District

ИЗЪЯСНЕНІЕ ГРАНИЦЪ

Отъ А до В Губерніи Екатеринбургской

В — С — Воронежской

С — D — Саратовской

D — E — Астраханской

E — A области Кавказской

LES NOMS DES CHEF-LIEUX

- I. Милуковъ
- II. Черкасскъ
- III. 1^е Донъ
- IV. 2^е Донъ
- V. Донецкъ
- VI. Оутъ Медвѣдѣцк
- VII. Хоперск

НАЗВАНІЕ НАЧАЛЬСТВЪ

- I. Милуковъ
- II. Черкасскъ
- III. Первое Донское
- IV. Второе Донское
- V. Донецкое
- VI. Оутъ Медвѣдѣцкое
- VII. Хоперское

